

Витебские губернские ведомости

1900, 23 января, № 18

е.з.

Среди газет и журналов

Писатель "Нивы" А. Ф. Марков предпринял издание нового собрания сочинения Антона Павловича Чехова. Среди отзывов на это издание — особенно интересно воспоминание в "России" "Old Gentleman" о начале литературной деятельности Чехова.

Тогда, в те годы, только что издававший А. Ф. Марков, мы встречались еще не Антоша Чехов, но Антоша Чехов из московского "Будильника". И даво же помню камушка на Тверской. Там начиналась тогда красочная редакция этого издания, из которых из которых вышло много и сейчас, впоследствии знавших себя: кто в газетной, кто в журнальной литературе. В этой душевной, тесной, приятной, надо отдать ей справедливость, комнате, бывало дышать не чуждо. Там курить, и, слыша дым, чихать и кашлять еще видный, против редактора, миленький, голубоглазый А. Д. Куренный с его красивыми личиком и ногами — в сор к дым — и с зеленой раздвоенной бородавой. Антоша Чехов писал в то время в "Будильник" почти всю жизнь, поддерживаемый братом своим Александром, оный тоже известный в бладегрии, став под псевдонимом А. С. Сидорова, присылал нам (нам, мы, кажется) векорь гайки, умирного, талантливого Евгения Кони, брата Анатолия Федоровича, да шуток юнота-второкурсника Евгения Пашека, с тем пор уже успевшего прятаться из разгата юмориста в важного профессора важного римского права. Я — *quis tenetis, ami!* — писал стихи. Боже и я, сколько их написал в те годы! Быть может, и потому так и не люблю стихов теперь, близясь к сорока годам, что обаялся ими в юности. Там, в кондитерских, вновь поступающим на службу мальчишкам давать полную волю лакомиться конфетами сколько им душевненько угодно, и — нельзя сказать, в близости так прелестью, что не могут глядеть на сласть без отвращения, и уже не прикасаются к ним до конца своей жизни.

Я с истинным наслаждением, продолжаясь далее фельетонист "России", прочитав чеховский сочинитель возмративший меня к этому последнему прошлому. Сколько мне было, и как хорошо и свежо писало А. Ф. и писало-то не столь мало и в искусству, сколь по редакторскому заказу, и читалось за все это время. И Антоша Павлович говорил нам вышестоявшим своим молодым баском:

— Мой идеаль зарплата — получать 15 копеек за строчку и зарабатывать 300 руб. в месяц.

На что мы скептически улыбались и говорили:

— Гуси то у вас не дура. Разве это имеем?

— А вот увидите.

Ну, дай Бог нашему таланту волею писать!

С тем пор, талантом понимаю не только Волк, но и медведь, тигр, лев да и не одним Антоном Павловичем, а и почти всеми участниками редакции, кроме прележительно умирных... А поспевать не мало: Куренный, Николай Кичев, Евгений Кони, Николай Чехов... Последнего мы особенно ждали: что это был за талантливый и милый человек! И при этом — боже, как мы и у Марка не смывать.

Если начать раскопать в московских "мемористических" изданиях 1879—1880 года, то мы и не можем видеть еще великое множество вошедших Антоша Чехова, достойных внимания, минуты не в меньшей степени, чем те, которые мы встречаем в истинных то собраниях, и в то же время, с тем же способностью обрисовать остроту и честность его дико вня. Большинство поминательных в собраниях Марка раскрасов все же представлять себе как бы зичать того, из чего впоследствии выработался "чеховский жанр". Мерзавство связанный в воображении современного читателя с именем Антоша Павловича. Но тогда у него в его своей жизни еще не сложился — он писал, по востроению, в каком угодно и в каком пришло к нему в голову жанр, и во всем всегда одинаково уличен. Я с наслаждением перечитываю теперь, и ширинь, роман, написанный им на сюжетах из венгерской жизни. В стиль Мавра Юрия, трагикомический разказ о "неудачливом мертвец", "Дневник Гаула (Симона Берды)" и тому подобный вышестоявший шлодот, из которых родилось потом прекраснейшее диалогическое современное русское беллетристика. ✓